

«... Я ВИЖУ, КАК ДЕЛАЮ ИСТОРИЮ»
К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА

Ш.Г. Умеров

«I SAW MYSELF, MAKING HISTORY»
ON THE OCCASION OF THE 100TH ANNIVERSARY
OF A.I.SOLZHENITSYN

Sh.G. Umerov

Дистанция огромного размера простирается от очерка, жанра скромного, малоформатного, едва ли не подсобного в художественной литературе (книга Солженицына имеет подзаголовок «Очерки литературной жизни»), до вершины словесного искусства – монументального романа-эпопеи.

Но что делает повествование эпическим, что делает эпопею – эпопеей?

По мысли Гегеля, «все подлинно самобытные эпопеи дают нам картину национального духа... вообще дают образ всего уровня и состояния сознания»¹. Для этого прежде всего требуется масштабность повествования. Масштабность события, имеющего исторически переломное значение, охваченного, выявленного адекватно.

«Теленок» – необычная эпопея. Впрочем, что такое обычная, бывают ли такие вообще? Здесь не сталкиваются народные массы. Тут Давид ведет долгий, изнурительный, как Тридцатилетняя война, бой не с одним Голиафом, а с огромной армией Голиафа.

Это и есть ее тема: схватка с советским тоталитаризмом, бой

с мировой системой коммунизма. Само мировоззрение писателя, пропитанное жаждой правды, чуткое к людской боли, вместившее неотменяемую огненную память о бредущих по кругам ада братьях, определило эпичность художественного видения. Даже во время неповторимой редакционной эйфории после выхода «Одного дня», «в медовый наш месяц», он сознавал, «какой длинный-длинный-грозный путь был впереди».

Массы, не в последнюю очередь благодаря творческому и человеческому подвигу Солженицына, пришли в движение. Тому залогом эволюция Твардовского, описанная в книге. Она удивительна: лауреат, орденосец, кандидат в члены ЦК, депутат Верховного Совета многих созывов, номенклатурщик с персональным автомобилем и прочими атрибутами чина – в итоге фактически изгой, но со взглядами, мирознанием, довлеющими его природной крестьянской, некрасовской, народной натуре. Высоко поднявшийся над собой прежним. «Даже для него правдинское ругательство уже было ничто!.. Времена-а!..».

«Да вы освободите меня от марксизма-ленинизма, тогда другое дело. А пока – мы на нем стоим», – воскликнул он однажды. И реакция Солженицына: «Вот это – вырвалось, чудным криком души! Вот это было уже – вектор развития Твардовского!». «Нет, менялся Твардовский! Менялся, и совсем не медленно».

Едва ли не большая часть книги связана с Твардовским. «Теленок» – редкое в автобиографическом жанре произведение, где наряду с автором есть другой равновеликий, равнозначный герой. «Теленок» – очерковая эпопея как о самом Солженицыне, так и о великом поэте и редакторе Твардовском, о его «вбирающем огромном сердце», «поэтическом и мужицком чувстве» и не скрывающая того, «какими непостоянными, периодически слабеющими руками» велся лучший в стране литературно-художественный и общественно-политический журнал.

Солженицын сумел вовлечь в противостояние большевистской системе различные слои общества. От многих десятков «невидимок» до делегатов писательских съездов. «Ведь около ста писателей поддержало меня <...> Это ли не изумление? Я на это и надеяться не смел. Бунт писателей!! – у нас! После того, как столько раз прокатали вперед и назад, вперед и назад асфальтным сталинским катком!». От студенческой молодежи, интеллигенции – до номенклатуры. И уже «кто-то из ЦК не в закрытой комнате и не под расписку, а

запросто в автомобиле передавал *почитать* мой роман Межелайтису <...>. Да и в чтении не станет он работать на *них*: у моих врагов, у скально-надежных лбов он отнимет какую-то долю уверенности; головы затуманенные на долю просветлит». «Даже М.Алексеев, целиком занятый своею карьерой, сказал мне в ту осень, правда, наедине: «Много лет мы всё строили на лжи, пора перестать!».

И чем дальше разворачивалась эпопея его трудов, тем все более крепло у него «живое ощущение, что я работаю для России, а Россия помогает мне».

Из искры возгорится пламя. Когда-то этот декабристский образ использовал его Персонаж (у Солженицына именно так, всегда с большой буквы), назвав первую газету своей партии – «Искра». Произведения Солженицына сами образовали партию, в члены которой вошли, без всяких споров об уставе, миллионы тех, кого не окончательно заразил большевистский вирус. «Теленок» – свидетельство о том, как искра слов (в кок-терекской ссылке все написанное вмещала одна-единственная конспиративная бутылка из-под шампанского) разгорелась в мировое пламя.

Литература может ускорить историю, считал А.Солженицын. Он, одаренный математик и физик, в своей аргументации нередко и, кажется, с особенным удовольствием прибегавший к естественнонаучным постулатам, твердо верил, что «одно слово правды весь мир перетянет. Вот на таком мнимо

фантастическом нарушении закона сохранения масс и энергий основана и моя собственная деятельность, и мой призыв к писателям всего мира»².

Как личность, как «эпический индивид», у которого все, что движет им, является «значимым, всеобщим, нравственным»³, Солженицын вошел в мировую историю, потому что сумел изменить ее. В конце концов он боролся не за публикацию того или другого своего произведения, он боролся с коммунистическим злом, с ложью, которую коммунизм внедряет в сознание людей и народов. «Я весь был напряжен в борьбе с бастионами советской лжи». Боролся как писатель – и только как писатель.

Его противодействие идеологии (много раз он поминает это слово) началось еще на фронте. Но последовательное повествование в «Теленке» ведется с осени 1961 года, когда он бросил вызов режиму как писатель, передав свою рукопись в «Новый мир». «Начался наш первый выход из бездны темных вод. Мне пришлось дожить до этого счастья – высунуть голову и первые камешки швырнуть в тупую лбину Голиафа».

Иллюзиям и лжи коммунизма – тому, на чем он изначально держался, – Солженицын противопоставил правду, извлеченную из истории XX века, из концлагерей, из судеб таких людей, как старый социал-демократ Анатолий Ильич Фастенко, как просветленные верой Божией тетя Дуся Чмиль и Вера Корнеева, как прирожден-

ный хозяйственник Василий Власов, несгибаемые Григорий Иванович Григорьев и Анна Петровна Скрипникова, бесстрашный Павел Баранюк, «убежденные беглецы», свободолюбивые Георгий Тэнно и Иван Воробьев, и таких, как его незабываемые Иван Денисович, Матрена, Костоглотов, Шараф Сибгатов, Нержин, Спиридон, Амантай Булатов, а также как 70-летний Юбиляр, как «Персонаж», полковник Яконов, лейтенант Зотов и многих-многих других.

Сокрушительное разоблачение лжи и фальши, сатирическая и критическая стихии сопрягаются на страницах повествования с процессом самопознания и самоуглубления. Читатель слышит то авторское сомнение («Что же мне делать?», «А я – совсем неправ, я запутался»), тревогу («и теперь было страшно»), неудовлетворенность сделанным (о Твардовском: «Нет, не разобрался я в этом человеке! Написал о нем четыре главы воспоминаний, а не разобрался»), а то спор двух голосов в душе писателя. Трудно, например, не уступить друзьям-новомировцам, настаивающим на необходимости дать, как полагалось, отпор эмигрантскому журналу «Грани», который собрался публиковать запрещенный «Раковый корпус». И даже начал, было, составлять какой-то протест, но вовремя остановился: «Оберег меня Бог опозориться вместе с ними».

Проявляются и противоречия, как у каждого живого человека. Одно из наиболее разительных,

правда и в вопросе для всей русской мысли сложнейшем, – об отношении к Западу. Вот из лучших чувств дается ему совет, как вести себя на встрече с руководством Союза писателей: «Скажите, что западный шум у вас самого вызывает досаду». Его внутренний голос, тут же: «Мой спаситель, от которого я ликую?!» А с другой стороны, прямой речью: «Надежды на Запад – не было, как, впрочем, и не должно быть у нас никогда. Если и станем свободными – то только сами. <...> От слишком гладенького благополучия ослабились у них воля и разум».

Солженицын рассказывал пусть о совсем недавнем, вчерашнем, но все-таки – прошлом. Однако, являясь не только субъектом своего повествования, но и объектом, персонажем (что подчеркнуто уже названием, где он предстает в третьем лице), рассказывал так, будто события разворачиваются сейчас, на наших глазах. Допустим, показывая свои будни в решающие одиннадцать месяцев 1961–1962 годов, когда рассказ томился в сейфе «Нового мира» – с утра колка дров во дворе, затем подготовка к урокам и прочее, – он еще ведать не ведал о том, насколько изменится его жребий в последующее пятилетие (исходная часть книги создавалась весной 1967 года). Читатель втягивается в эту симультанность, соперничает как участник.

Почти каждое из событий, описанных в «Телёнке», по отдельности – более или менее обыденно. Поездки из Рязани и в Рязань,

встречи и разговоры с людьми, совещания в редакции, заседания в писательских организациях, забота о состоянии близких, о судьбе рукописей, литературная работа... Нет какого-то отдельного подвига, прыжка выше головы, героической кульминации. Но все вместе складывается в невероятную картину очистительного катарсиса для страны, мира, в бытие исполина. «Первый раз в своей жизни я чувствую, я вижу, как делаю историю», – записал он после чтения глав из «Круга» перед полутысячной аудиторией в Лазаревском институте востоковедения. Ощутима принципиальная разница с другой великой эпопеей, которой гордится русская литература, – «мемуарной эпопеей»⁴. А.И.Герцена «Былое и думы», явившейся, по определению ее создателя, «отражением истории в человеке, случайно попавшемся на ее дороге»⁵. В «Телёнке» история не только отражается в человеке, но и непосредственно им делается.

«Прозаически упорядоченной действительности» романного жанра Солженицын противопоставил «свободную смелость созидания» (еще раз безупречные гегелевские формулировки⁶) – раскрепощенную структуру, не стесняющую, не удерживающую мысль, но дающую содержанию разворачиваться абсолютно естественно. И настолько непринужденно, что автор, увлекшись, может заговорить с читателем своей еще далеко не законченной, находящейся в работе книги – даже не сказать, что

будущим читателем, раз он видит его прямо сейчас: «Другой раз грянуло: “Телёнок” – вот этот самый опять, который вы держите сейчас в руках, “Телёнок” – ходит по Москве!»

Неспешная обстоятельность рассказа, позволяющая касаться любых тем, задерживаться на объемных свидетельствах, описаниях, даже за счет «краткости и легкости, каких бы я хотел», также напоминает о классической эпосе. «Во всякую минуту книга столь же кончена, сколь и не кончена, можно кинуть ее, можно продолжать, пока жизнь идет, или пока теленок шею свернет о дуб, или пока дуб затрещит и свалится». Квалифицируется как аддитивно-эпическая композиция с речевыми эллипсами⁷. Но это лишь звучные термины, а в книге Солженицына кипит, бурлит, на глазах становясь историей страны, реальная жизнь, неустанно взаимодействует с ней писательская мысль (никаких отдельных авторских отступлений, ткацкий станок один) и, вопреки «загораживающей тупой силе» государственно-идеологических церберов, ежечасно торится путь к правде, к свету. Не ощутить нам этого сполна, если бы не творческие находки писателя, если бы не щедрая палитра художника.

Прозу А.Солженицына, как не раз показывалось исследователями, отличает жанровое новаторство, многостильность. Отказ от привычных приемов повествования и сюжетосложения, сублимация «вторичных» элементов по-

вестования, ретардации, «закрепление случайных результатов»⁸, импровизация, пародийность, апелляция к серьезно-смеховой манере как истоку романного жанра, самоирония, полифонический регистр, выражение авторского сознания посредством «непосредственного видения» (Дж. Хартман)⁹ – вот некоторые характерные свойства его живописной манеры, выразительно проявившиеся в многолетнем процессе создания «Теленка».

Он не раз упоминает о своей, как ни странно, «слабой <...> схватчивости на лица», но его портретное искусство блистательно, мощно. Чего стоит хотя бы сочное многофигурное полотно секретариата СП СССР – верхушки литературного «верноподданного баранства, гибрида угодливости и трусости», – не уступающее шедеврам из «Капричос» Франсиско Гойи.

Многое повидавший, чуткий Роман Гуль, ознакомившись с первым изданием солженицынских очерков, которое тогда составляло лишь половину от нынешнего, посвятил им одну из прозорливейших своих статей. Он со всей уверенностью возвестил о достигнутом писателем грандиозном масштабе, назвав «эпопею борьбы одиночки-писателя Солженицына со всей тоталитарной левиафановской властью» – «явлением монументальным». Его вывод дорогого стоит: «Недаром Господь “вразумил” Солженицына. Думаю даже – с бóльшим основанием, чем древнего летописца. Без преувеличения надо устано-

вить: *ТАКОЙ* книги в мире не по- историко-литературная ценность являлось. И в этом непреходящая “Теленка”»¹⁰.

ПРИМЕЧАНИЯ

(Endnotes)

- 1 Гегель Г.В.Ф. Лекции по эстетике // Сочинения. Т. XIV. М.: Соцэргиз, 1958. С. 241.
- 2 Солженицын А.И. Нобелевская лекция // Публицистика: в 3 т. Т. 1. Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1995. С. 24.
- 3 Гегель Г.В.Ф. Лекции по эстетике // Эстетика. Т. 3. М.: Искусство, 1971. С. 465.
- 4 Гинзбург Л.Я. «Былое и думы» Герцена. Л.: ГИХЛ, 1957. С. 49.
- 5 Герцен А.И. Былое и думы // Собр. соч. в 30 томах. Т. 10. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 9.
- 6 Гегель Г.В.Ф. Лекции по эстетике // Эстетика. Т. 3. С. 474, 429.
- 7 Казак В. Лексикон русской литературы XX века. М.: РИК «Культура», 1996. С. 394, 395.
- 8 Ср.: «Таково в литературе и закрепление случайных результатов: черновые стиховые программы и черновые “сценарии” Пушкина становятся его чистой прозой» (Тынянов Ю.Н. О литературной эволюции // Ю.Н. Тынянов. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. С. 279).
- 9 Цит. по: Харрис Д.Г. «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына и «литература достоверности» // Русская литература XX века: исследования американских ученых / под ред. Б.Аверина, Э.Нитраур. СПб.: Петро-РИФ, 1993. С. 477.
- 10 Гуль Р.Б. А.И.Солженицын в СССР и на Западе. «Бодался теленок с дубом» // Роман Гуль. Солженицын: статьи. Нью-Йорк: Мост, 1976. С. 5.

Сведения об авторе: Умеров Шамиль Гамидович, кандидат филологических наук, доцент МГУ им. М.В.Ломоносова, e-mail: sumerov@yandex.ru.

Аннотация: Статья посвящена автобиографическому повествованию «Бодался теленок с дубом». Эта книга – удивительный художественный эксперимент А.И.Солженицына – не выстраивалась рационально. Оттого она дает возможность поднять некоторые вопросы, ставшие особенно актуальными для не литературоцентричной культуры нашего времени, в том числе об установлении новых правил творчества в процессе создания этой не имеющей аналогов очерковой эпопеи.

Ключевые слова: жанр, эпос, роман-эпопея, тоталитаризм, идеология, история.

Abstract: The article addresses A.I.Solzhenitsyn’s autobiographical narrative «The Oak and the Calf». This book is an amazing artistic experiment, the creation of which did not proceed in a rational way. That is why it provides an opportunity to raise certain questions of poetics that have become especially relevant for the non-literary-centric culture of our time. This includes questions regarding the establishment of new rules for creation of literature, in the process of creating this unprecedented essay epic.

Key-words: genre, epic, novel-epic, totalitarianism, ideology, history.